

Алиса Горшенина / Фото: Сережа Власов для ОВД-Инфо

25.08.2025, 18:56 Свердловская область

ИНТЕРВЬЮ

«У меня внутри огромная дыра. Из нее дует ветер». Интервью с художницей Алисой Горшениной, которую вынудили уехать из России

Алиса Горшенина — художница из Нижнего Тагила. Ее штрафовали за пацифистский пикет, травили z-активисты, на нее писали доносы, а выставки отменяли. В 2024 году мы выпускали интервью с Алисой, в котором она говорила, что остается в России. В этом году на Алису завели три новых дела. Она пережила ночь в полицейском подвале, арест и новый штраф. Во время последнего допроса в аэропорту, по словам Горшениной, ей сказали не возвращаться в Россию. Художница уехала из страны.

«Я БЫЛА ИСКЛЮЧЕНА ОТОВСЮДУ»

— Летом 2024 против тебя **была** целая кампания z-блогеров. Потом все успокоилось?

— Спокойно не было, кажется, почти никогда. Сначала — **административка** [по статье о дискредитации] в 2022 году, как только началась война. Потом было затишье, в 2022 и 2023 году у меня даже были большие персональные выставки, в том числе, в России. Ту первую административку я даже не сильно воспринимаю всерьез, потому что это просто штраф, никакой травли тогда особо не было.

В 2024 году все усугубилось. Не знаю, почему именно тогда начались самые большие проблемы, и не берусь рассуждать, как это работает в головах тех, кто травит и пишет доносы. Начались отмены [выставок]. После доносов в 2024 году была полицейская проверка в Тагиле, которая ничего не выявила. На связи с отделом полиции был мой адвокат, ему сказали: «К Горшениной у нас нет претензий». Потом на какое-то время мне дали передохнуть.

С 2025 года все началось снова. Триггером, думаю, стала февральская **ярмарка** [современного искусства] в «Ельцин-Центре». Раньше травля оставалась в поле локальных медиа: например, «Урал Лайв» постоянно что-то писали — если где-то всплывало мое имя, нужно было обязательно сказать, какая плохая. К интернет-травле можно было адаптироваться.

На той ярмарке было много неприятных ситуаций. Приходили ФСБшники и говорили со мной. Они всегда спрашивают одно и то же — о моей позиции, почему она такая, почему я не уезжаю, если мне все не нравится. Они так любят утрировать: мол, если я не поддерживаю войну, значит, мне все не нравится. Твое мнение вообще не учитывается, тебя

спрашивают не для того, чтобы услышать искренний ответ. Туда приходили и журналисты [пропагандистских медиа].

[После ярмарки] «Зов народа» и другие организации взялись за меня так, что пресекалось любое мое появление — в любой галерее, на любой выставке. Если где-то фигурировало мое имя, они требовали: «Убрать». И люди убирали мои работы. Я была исключена отовсюду. Все проекты рухнули.

— Как ты себя чувствовала в то время?

— Очень плохо. До этого казалось, что я держусь. Да, отмены происходили чаще, но не до такой степени, чтобы исключать мое имя даже из супер-нейтральных выставок. Как-то удавалось балансировать. У меня была стратегия: я пытаюсь выставляться в России, для меня это важно. Я дома. Даже если я смогу выставляться хотя бы у себя в мастерской — окей. И раз в год я буду выезжать в другие страны, потому что как мне иначе жить? Я занимаюсь искусством, оно должно быть увидено. И мне удавалось — в 2023 и 2024 году я уезжала, открывала несколько проектов за границей.

А вот в 2025 году происходит пиздец. Я просто не могу это по-другому назвать.

Фото: Сережа Власов для ОВД-Инфо

— На что ты жила это время? У тебя есть какой-то заработок, помимо искусства?

— Я сама удивлялась все это время, как я жила. Мое искусство — это моя работа. У меня нет никаких других дополнительных заработков. Даже в военное время мне удавалось продавать работы, получать гонорары, даже ездить в Европу. В сложных ситуациях я всегда могла продать свою графику через соцсети, например, — я часто выживала на такую

поддержку. И сейчас, когда я оказалась в сумасшедшей ситуации, меня снова поддерживают люди, которые покупают мое искусство.

— Как ты узнала, что на тебя завели еще несколько административных дел?

— Просто омерзительно все это получилось. Я с детства увлекаюсь Египтом, всегда мечтала туда попасть, увидеть древние храмы. В апреле этого года мне исполнился 31 год, и я решила осуществить свою мечту. Долго копила на это путешествие, купила билеты себе и мужу.

В апреле, когда мы поехали, уже кипела вся эта тема с ярмаркой. У меня не было запланировано выставок на 2025 год в России. Те, что были, после ярмарки отменялись. У меня вообще не было планов. Я решила съездить отвлечься, а потом посмотреть, как жить дальше.

Я прекрасно отметила свой день рождения, и чуть ли не на следующий день на мой WhatsApp начали приходить сообщения, мне звонил с неизвестного номера какой-то мужчина. Я никогда не беру трубку с незнакомых номеров. Он мне писал: «Перезвоните, пожалуйста, это очень важно». Думаю: раз важно, напиши, что случилось. Я решила, что это спам, и не стала ему отвечать.

Когда я возвращалась в Россию и проходила в аэропорту электронный паспортный контроль, меня из этой кабины не выпустили. Меня задержали и повели на допрос. Я подумала, что это связано с ярмаркой, — видимо, я теперь в некой базе людей, которых нужно проверять. До этого два года подряд я спокойно выезжала, меня ни разу не задерживали. Потому что не за что было задерживать. И тут я тоже не понимала, что происходит. Допрос был долгий, ужасный, но после него меня отпустили.

— Что у тебя спрашивали?

— Тот человек рассказывал мне про меня. Например, спрашивал: «Какое у вас отношение к СВО?» Я говорила: никакое. Пыталась как-то увильнуть. Он мне сказал: «Хотите, я вам расскажу, какое у вас отношение?» Было понятно, что он знает мою позицию. Но он меня отпустил. На тот момент на меня уже было заведено три дела. Думаю, он меня отпустил, чтобы я вернулась на Урал и меня уже там взяли.

— Как ты узнала, когда завели дела?

— Из материалов. Меня удивило, что это вообще не было связано с ярмаркой. Материалы поступили в феврале — в Екатеринбурге, а не в Тагиле, еще до мероприятия. Я долго пыталась понять, почему именно тогда, изучала свои соцсети, но так и не нашла причин. Выяснилось, что когда я была в Египте, мне звонил полицейский, который меня приглашал на составление протокола.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Мы публикуем эти истории, поскольку верим, что информация защищает. Когда этого недостаточно, в дело вступают защитники. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей могли получить помощь адвоката в подобных делах.

ПОДДЕРЖАТЬ

«ВАМ ЗДЕСЬ ПОНРАВИТСЯ»

— Напомни, пожалуйста, по каким статьям у тебя были дела?

— Когда он (полицейский, который звонил Алисе, пока она была в Египте — *ОВД-Инфо*) меня позвал, я думала, что там только административка за дискредитацию. А когда я пришла [в полицейский участок], он передо мной положил пачку материалов — там было три статьи. Одна из них — арестная:

демонстрация экстремистской символики (ст. 20.3. КоАП) Еще были за пропаганду ЛГБТ (ст. 6.21 КоАП) и дискредитацию (ст. 20.3.3 КоАП).

Дискредитация у меня была за самый первый пост от 24 февраля 2022 года: тогда я выходила на Лисью гору с транспарантом «Нет войне». Два других дела были за один и тот же пост: пропаганда ЛГБТ — за текст и демонстрация экстремистской символики — за смайлик в конце этого поста в виде радужного флага.

Пикет Алисы Горшениной в Нижнем Тагиле, 24 февраля 2022 г. / Фото: инстаграм Алисы Горшениной

Мы пришли в отдел 24 апреля, суд был уже на следующий день. Сотрудник сначала сказал, мол, мы сейчас просто составим протокол. Потом он ушел, сказал, что отнесет эти дела и узнает, когда меня будут судить.

Уже в отделе я поняла, что меня никто и не собирался выпускать. Мы [с адвокатом] сидели часа три ждали, пока он что-то выяснит. Он вернулся со словами: «Вам нужно переночевать у нас». На улице ждал муж, которому сказали, что я не выйду, и он тут же пошел собирать мне передачи.

Меня оформляли очень долго. Они улыбались, я слышала, что сотрудники говорили: почему ее оставляют на ночь? То есть даже они не понимали, почему я здесь.

Когда меня оформили, какой-то сотрудник повел меня вниз. Мы спускались и спускались куда-то в ядро Земли. Мне просто не описать, насколько отвратительно это выглядит. Тяжелые железные двери, спертый воздух — то есть его практически нет, потому что это очень глубоко под землей. Узкие коридоры. Я не представляю, почему это до сих пор выглядит так, для кого это сделано? Это не для людей, там невозможно находиться. Мне было очень страшно, потому что я не знала, сколько там пробуду.

Сотрудник открыл камеру, улыбнулся и сказал: «Вам здесь понравится». Это бетонный куб, внутри стоит запах мочи, окон нет, есть огромная железная дверь и камера. Камера была единственной связью: «Если что-то нужно, встаешь и машешь». Еще внутри была сколочена такая деревянная штука из стены, как вздымающийся пол, зачем-то обитая по краям железом, чтобы было максимально холодно [на ней лежать]. Это не похоже ни на кровать, ни на скамейку, ни на что. Просто выступ из стены, чтобы ты лежала не на полу. Матрасы не выдают. Ты просто сидишь в темноте.

Мне выдали две пачки каких-то армейских галет, гречку. Дверь закрылась, и я подумала, что оттуда больше не выйду. Пару раз меня выводили в туалет. Я даже не хочу его вспоминать. Последствия той ночи в подвале я разгребаю до сих пор.

— Ты имеешь в виду физические или ментальные?

— Последствия есть и физические, и ментальные. У меня здоровье подкосилось буквально за одну ночь. Не знаю, как так вышло. Ну и потом, после подвала, я сидела в спецприемнике, и это, к сожалению, тоже сказалось на состоянии.

— Ты смогла поспать в этом подвале?

— Да, на ночь выдавали матрасы. Это было лучшее время в этой дурацкой норе. Утром его забрали и снова пришлось лежать на деревянной сцене. За дверью я слышала какие-то звуки, гул, только этим и жила. Потому что когда они замолкали, казалось, что все ушли, и меня просто оставили. Настигает такой ужасный страх, что ты оттуда больше не выйдешь. Может, я слабая, но это действительно отвратительное, ужасное место. Я не готова и пяти минут проводить в таких местах.

— Тебе выдавали постельное белье?

— Нет-нет, это был просто матрас, подушка и какой-то старый советский синий плед. Все это очень воняло. В этих подвалах часто держат людей, которых находят пьяными на улице. В соседнюю камеру среди ночи привели мужика, которого, видимо, так и задержали.

Рисунок камеры в отделе полиции из дневника Алисы Горшениной / Фото предоставлено художницей

Еще мне отдали передачу. Муж сразу собрал еды, написал письмо, которое мне не передали. Я хотя бы смогла поесть — и на том спасибо. Один полицейский попросил меня дать тому пьяному человеку, которого задержали, воды. Я ему отдала сухарей, фруктов — на одну ночь муж принес огромный пакет еды. Там были яблоки, я их кусала со всех сторон и клала вокруг головы, как ароматизатор. Еще были влажные салфетки — это было самое лучшее.

Я попросила два пледа, потому что сильно замерзла — было очень холодно. Мне разрешили. Одним я закрыла подушку, потому что она была омерзительной. До этого я лежала на экомешке, который был в передаче: подкладывала его под голову и складывала туда волосы, чтобы симитировать подушку.

— С тобой кто-то был в камере?

— Нет, это была чисто моя камера. Я даже не представляю, как там быть еще с кем-то. Это было бы еще страшнее. Но и одной было страшно.

«МЕСТО, КУДА НЕ ХОЧЕТСЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ»

*На следующий день Алису привезли в Екатеринбург, где суд **признал** ее виновной в демонстрации экстремистской символики. Художницу арестовали на 10 суток. Она провела в спецприемнике 9 дней — засчитали ночь в отделе полиции.*

— Как было в спецприемнике?

— После подвала там было уже нормально. Когда мне сказали, что меня посадят, я уже была к этому готова, просто боялась, что будет что-то подобное [вроде подвала]. Я ментально уже была не готова спускаться куда-то вниз. Когда мы ехали в Екатеринбург, я пыталась спросить у тех, кто меня вез: «Скажите, это хотя бы не подвал?»

Нет, это был не подвал. Это многоэтажное здание, там есть женская колония (речь про женское СИЗО-5 — ОВД-Инфо) на третьем этаже, а прямо над ней, на четвертом, — спецприемник. Я так обрадовалась, когда узнала, что это будет четвертый этаж.

Это было лучше, чем подвал, но это такое место, куда не хочется возвращаться. У меня была трехместная камера. Там был туалет и раковина с ледяной водой, напротив туалета висела

[видео]камера — ты никак не можешь скрыться. То есть все эти девять суток они наблюдали, как я хожу в туалет. Это было очень странно.

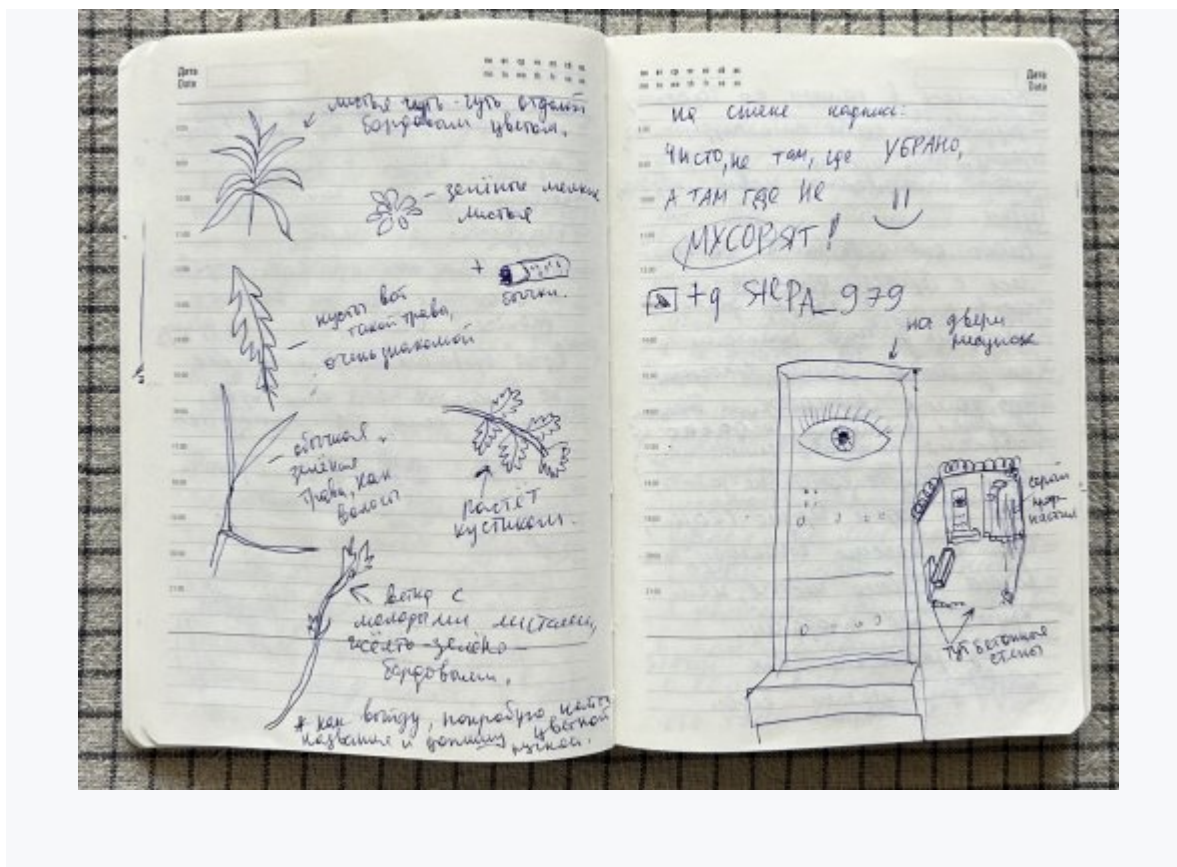
Ты никогда не чувствуешь себя уединенно. Когда меня только посадили в эту камеру, туда в тот же момент посадили еще одну девчонку, и она просидела со мной два дня. Потом я на какое-то время осталась одна. Под конец посадили еще одну женщину — на три дня.

— Там был кто-то еще с политическими статьями?

— Нет, я это очень быстро поняла. Мне казалось, все знают меня и за что я сижу. Я ощущала очень пристальное наблюдение за собой. Может, мне это казалось, но адвокат тоже намекал: здесь знают, что происходит.

— Чем ты занималась все это время?

— Рисовала, вела дневник, где каждый день описывала, что со мной происходит, потому что хотела это запомнить. Я фиксировала все, что там написано на стенах. Изучала это наскальное искусство. Там было много интересных записей, стихов. Я это все себе рисовала и переписывала в дневник. Разгадывала кроссворды — спасибо за передачи. Муж мне передавал цветные карандаши.

Три раза в день нас кормили. Питание там мясное, а я не ем мясо и рыбу — приходилось выкидывать или отдавать соседкам всякие котлеты. Раз в день разрешено было звонить по 15 минут — обычно после завтрака. Всего один раз я выходила погулять, потому что меня пугали, что если я пойду гулять, то, возможно, время звонка сильно сместится. И особо было неохота гулять, если честно. Поэтому я очень много читала.

Еще в подвал мне Сережа принес Оливию Лэнг — «Сад против времени», но мне ее тогда не передали. Позже, когда я читала ее в спецприемнике, я охренела: это очень опасная книга для такого места. Там много описаний гей-пар, есть про войну — про 24 февраля в конце. Я читаю и думаю: это сюрреализм, почему эта книга сейчас у меня в руках? Но никто не обратил внимание.

Потом я прочла Аню Федорову — «Но это не точно». Еще я читала на ночь сборник русских сказок, изучала фольклор. Но самое интересное, что я прочитала, — книгу Саши Соколова «Школа для дураков». Я в последнее время читаю книги, которые писали женщины, — восполняю бреши, потому что

на уроках литературы нам всегда преподают мужчин. Скорее всего я бы на эту книгу внимания не обратила, но она потрясающая. Она меня перенесла из этой камеры куда-то в другое место. Я представляла наш сад под Нижним Тагилом, мечтала выйти и посадить грядку. У меня были цветы, которые хотела посадить, но так их и не посадила.

«ЖДАЛА, ЧТО ЗА МНОЙ ПРИДУТ»

— Когда ты вышла, какой у тебя был настрой?

— Я очень сломалась, пока сидела. Одно дело, когда ты просто слышишь о чем-то таком, другое дело — когда оказываешься взаперти. Я всегда думаю о людях, которые сидят по несколько лет. У меня другой опыт, но, думаю, не надо обесценивать и всю ту несправедливость, которая была и есть в моей жизни. Вся эта травля, которая была до [ареста] и после, продолжается и сейчас.

Самое ужасное, когда я зашла домой, я не почувствовала себя дома. У меня давно уже назревал этот надлом — с 2024 года, когда были все эти доносы. Это было очень опасное для меня время. Я практически уехала тогда. В какой-то момент я психанула и сказала: господи, сажайте, делайте, что хотите, я остаюсь. Тогда я практически уехала и мне было очень плохо, но это было [бы] мое решение.

Помню, сидела и думала: господи, как я хочу сходить в душ, полежать в своей кровати, погладить котиков. Но когда я вернулась, это была уже не я и не мой дом. Меня лишили моего дома. И я понимала, что я не вернулась. Ментально я была непонятно где. Это было очень тяжело: стук лифта, каждый шорох, каждый человек на улице, машина около подъезда, соседи куда-то заходят — я начинаю трястись, потому что жду, что за мной придут.

Фото: Сережа Власов для ОВД-Инфо

Я вышла в ужасном состоянии и не смогла с этим справиться. Я ненавижу чувство страха, это противное чувство, меня от него разрывало. Я понимала, что боюсь, потому что больше не хочу соприкоснуться с этими подвалами и спецприемниками. Это чувство страха, которое я презираю в себе, — оно мной сильно завладело. Я обратилась за психологической помощью, советовалась с адвокатами. Все говорили, что мне надо выехать хотя бы на месяц, потому что иначе я просто сойду с ума.

В таком состоянии я не могла ничего делать. Вставала и не понимала, что я дома. Я встречалась с друзьями, пыталась ездить в сад и понимала, что я чувствую иначе. Теперь сад не сад, дом не дом, я не я. Мне ничего вообще не помогало, что-то переменилось, и я до сих пор пытаюсь понять, что именно.

Так я решилась на резиденцию в Грузии. Меня туда давно звали, и я все думала, ехать ли. Мы с мужем решили поехать на месяц. Собрали чемоданчик летних вещей и чемодан с работами. Я думала, мы там просто проживем, немного поработаем, я приду в себя, чуть-чуть подлечу свое ментальное состояние, и мы вернемся. Но мы не вернемся.

— Почему ты не вернулась?

— На границе [с Грузией] меня снова задержали и увели на допрос. Мой телефон забирали и тоже там рыли. Меня очень долго допрашивали, около двух часов, и я понимала, что я на грани, что меня могут не выпустить, и это зависит от человека, который меня допрашивал, — решит он себе звездочку заработать или нет. Это было очень тяжело. Самый тяжелый допрос. Я больше никогда в жизни не хочу быть на таких допросах.

— Что он тебе говорил?

— Он миксовал вопросы: про позицию, моих знакомых, о том, что я делаю. И потом внезапно: «любимая группа?», «есть татуировки?», «хочешь кофе?». Очень интересовался, приводили ли к чему-то предыдущие допросы, на которых я уже была. Возбуждали ли дела после них.

Я бы хотела донести до людей, которые были или, не дай бог, окажутся в такой ситуации: я часто вижу гайды, как себя вести, когда тебя допрашивают, но я ни разу за весь этот дурацкий опыт не смогла отреагировать так, как там написано. Это нормально — повести себя иначе, потому что ты находишься в обстоятельствах, в которых не должен находиться. Когда меня закрывали в этих комнатах, я не видела возможности

воспользоваться своими правами. Там нет прав, есть только [допрашивающий] человек и его настроение.

Каждый раз, когда у меня не получалось, я думала: блин, что я за человек, не смогла сказать свое слово, взять 51-ю статью Конституции. Я вообще никогда не могла этим воспользоваться. Мне тупо было страшно, потому что я живой человек. Когда перед тобой сидит этот страшный мент и давит на тебя, я ничего не могла сделать. Ни разу. На всех допросах я просто несла какую-то хрень.

— Он тебе сказал не возвращаться прямым текстом?

— Да, и это было не в первый раз, но здесь я послушала, потому что у меня было ощущение, что меня ломают словами, из меня забирают все жизненные соки. За мной пришли военные, и я не понимала, меня отправляют назад в Россию, задерживают или отпускают. Просто стоят военные с автоматами, и в последний момент он отдает телефон и паспорт. Я спросила, что мне делать, почему каждый раз, когда я прислоняю свой чертов паспорт, меня задерживают? После этого он сказал, чтобы я больше не возвращалась.

Я села в автобус с пассажирами и мужем, которые ждали меня два часа. Я рыдала и не могла остановиться. Когда мы вышли в Тбилиси, у мужа была насквозь мокрая куртка от моих слез, потому что я не верила, что это все происходит, я думала, что еще вернусь. У меня нет официальной бумаги, которая мне запрещает возвращаться, никто не говорил, что официально изгоняет меня из России. Но если я приеду, будет допрос. Я не хочу. Моя психика на данный момент не готова ни к одному такому испытанию.

Фото: Сережа Власов для ОВД-Инфо

— Как ты сейчас приходишь в себя?

— Мне становится полегче. Психика не может держать такое напряжение постоянно. Теперь я со стороны начинаю больше видеть свою жизнь в России, как это было ужасно. Когда ты внутри, ты адаптируешься. Ну, донос. Ну, постучали, написали что-то, отменили [выставку], потом раз отменили. Ну ладно, прорвемся. Теперь я отошла от этого и вижу, что это кошмар.

Я так много чего не озвучиваю, не говорю, что происходило за все это время, сколько было незаслуженного давления. И мне очень грустно от того, что мне теперь придется реализовывать свой потенциал не там, где я хотела. Потому что я всегда хотела быть в России, в Нижнем Тагиле — быть и развивать это место. Это становилось сложнее с каждым годом. Но еще было возможно.

Я пытаюсь адаптироваться. Думать о себе. Сконцентрироваться на своей карьере. Теперь я могу выставяться, свободно ездить, если мне дадут визу. Я стараюсь не смотреть фотографии из России, потому что это очень больно.

Мое искусство не заслуживает такого отношения, таких отмен, которые продолжаются даже сейчас. У меня были некоторые проекты в России — все отменяется до сих пор, меня вырезают, мои заявки отклоняются. В Москве открылась выставка про предателей России. Там была доска позора с моей фотографией. Появляются посты, что я сбежала и прошу денег на свое содержание.

Я очень сильно меняюсь. Даже если я вернусь в Россию, это будет не так, как было до. Мою жизнь уже разрушили. На месте этого разрушения будет что-то новое. Прежняя жизнь сломана, и я прежняя сломана. Я как будто заново себя собираю в нового человека. В психотерапии у меня самая главная задача это принять. Я долгое время не могла начать организовывать свою жизнь здесь, думала: может, я все-таки вернусь, еще пободаюсь.

Мне помогла мама. У нас с ней разные позиции, но благодаря моему опыту у нее очень сильно расширяется кругозор, и она по-другому начинает смотреть на происходящее. Родители меня очень сильно поддержали. Они принимают, что я больше не в России, и, скорее всего, это надолго.

— Ты следишь за тем, что происходит в России?

— Я все еще абсолютно в контексте и не собираюсь отрываться, потому что это моя жизнь, это часть меня. Я сформирована

Россией. Травматично, но сформирована этим местом. Я не хочу превращаться в человека, который отстраняется, отключается от этого и начинает судить со стороны. Теперь я буду знать, каково быть внутри и снаружи. Сейчас я не понимаю, кто я. Вроде бы всегда была «оставшаяся», но меня выгнали из страны. И у меня есть возможность понять тех и других.

Знаешь, что еще интересно? Я перестала критиковать свою внешность. Это странное новое чувство. Не то что я вырвалась из Мордора — нет, вообще не эта мысль. Но так случилось, что, видимо, я под этим постоянным давлением сама на себя давила, ненавидела, как я выгляжу. А тут все новое, и я как бы могу быть тоже новой. Я смотрю на себя и думаю: блин, да я красивая. Либо это уже не такие серьезные проблемы на фоне всего, что было после того подвала. Господи, да хорошие у меня волосы, какая разница, кудрявые они или прямые. Но сейчас внутри у меня огромная дыра. Из нее дует ветер.

Записала Марина-Майя Говзман